

УДК 297

ЛИТВИНОВ Владимир Петрович –

к.и.н., доцент кафедры религиоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.
399770, Россия, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, 28.
vladlenli@yandex.ru

ВЛАСТЬ И ПАЛОМНИЧЕСТВО МУСУЛЬМАН В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

AUTHORITY AND PILGRIMAGE OF MUSLIMS IN RUSSIAN TURKESTAN

Статья посвящена проблеме государственного регулирования хаджа – паломничества в Мекку мусульман Русского Туркестана. На основании архивных и правовых документов автор показывает, что царская власть в этом регионе не запрещала исполнение ими такого важного исламского установления, как хадж. Она разумно регулировала его, учитывая совокупность политических и эпидемиологических обстоятельств на Ближнем Востоке. Автор отмечает, что мусульмане Русского Туркестана с пониманием относились к паломнической политике русских властей.

Ключевые слова: власть, Туркестан, хадж, мусульмане, К.П. фон Кауфман, Мекка и Медина

The article is devoted to a problem of state regulation of the Hajj – the pilgrimage of Muslims from Russian Turkestan to Mecca. On the basis of archival and legal documents the author shows, that the imperial authority in this region did not forbid execution by them of such important Islamic establishment as Hajj. Authority reasonably adjusted it, considering set of political and epidemiological circumstances in the Middle East. The author marks, that Muslims of Russian Turkestan treated with understanding to the pilgrim policy of Russian authorities.

Keywords: authority, Turkestan, Hajj, Muslims, K.P. fon Kaufman, Mecca and Medina

В отличие от всех мировых религий, один только ислам в своей канонической чистоте не признает культ святых и отрицает всякого рода «святые места». Соответственно, он запрещает и любое паломничество к ним. Пророк Мухаммед категорически осуждал как смертный грех всякое поклонение «святых местам». Между тем, на территориях, населенных мусульманами, не исключая и родину ислама – Аравию, сакральные места именно ислама (языческих там всегда было в избытке) появились почти одновременно с распространением этой религии. Нам приходилось писать о том, что Россия, как известно, до середины XVI в. была практически моноэтническим и моноконфессиональным государством. Однако с последовательным присоединением при Иване IV татарских ханств в России появился и существенный мусульманский вопрос. С включением в состав Российской империи Крымского ханства в 1783 г. этот вопрос становится ключевым как

во внутренней, так и во внешней политике.

Ситуация еще более обострилась с присоединением к России в 1860-х гг. огромных территорий Средней Азии (Западного Туркестана), где проживало разнородное по цивилизационному и религиозному уровню население, исчислявшееся миллионами. Кочевые народы Туркестана – киргизы, казахи, туркмены, каракалпаки и др. – восприняли ислам поверхностно и в значительной степени придерживались своих доисламских кочевых традиций, но, тем не менее, они идентифицировали себя в качестве мусульман, тогда как таджики и узбеки уже были «твердыми» в мусульманской вере. В этой ситуации власти необходимо было выстроить систему административных мероприятий таким образом, чтобы религиозная – «исламская» – политика позволила достичь поставленных в регионе целей, а именно примирить носителей исламской мировоззренческой традиции с русской властью и российской цивили-

лизацией. В особенности это касалось хаджа — одного из главных установленных исламской религии.

Специфика отправления этого обряда заключалась в том, что, в отличие от внутренней жизни общины в Туркестане, которую в известной степени можно было игнорировать, а именно этой политики придерживался «первоустроитель» Туркестанского края генерал-губернатор К.П. Кауфман, хадж как религиозное мероприятие, связанное с выездом за пределы страны, необходимо было регулировать. При этом, с одной стороны, жесткие меры по запрещению паломничества могли привести к всплеску фанатизма и росту антирусских настроений в Туркестане, а с другой — полное попустительство в этом вопросе могло привести к проникновению в регион разного рода «заразы», причем как эпидемиологического, так и идеологического характера.

Решение этой задачи было затруднительным не только по причине особого характера отношений новой власти и мусульманского населения Туркестана, но и, кроме того, определялось особенностями управления отдельными частями огромной Российской империи. Дело в том, что вплоть до 1917 г. не все административно-территориальные образования в Российской империи находились в ведении МВД и управлялись полностью на основании норм Общего губернского учреждения. Последнее допускало, что некоторые из них подчинялись военному министерству (к 1917 г. это были Туркестанский край, Кубанская и Терская области), причем на их территории правами министра внутренних дел пользовался глава военного ведомства, который делегировал часть полицейских полномочий своим наместникам в подчиненных ему административно-территориальных единицах [Волков 2010: 157].

Между тем, вопросами регулирования отношений царской власти с мусульманской уммой России (в том числе, разумеется, и по части хаджа) ведал Департамент духовных дел иностранных исповеданий (далее — ДДДИИ) МВД. Министерство внутренних дел издавало соответствующие циркуляры, которые были обязательны для исполнения уполномоченными учреждениями государственной

власти. При этом возникала некая правовая коллизия: а как должен был относиться к документам МВД военный министр, исполнявший на подчиненных ему территориях обязанности министра внутренних дел? Однако на эту коллизию в военном министерстве не обращали внимания, полагая, что циркуляры МВД относительно ислама, его учреждений, обрядов и т.п. могут представлять интерес для оборонного ведомства только в информативном и рекомендательном отношении.

Следует учитывать, что в этот период военное министерство возглавлял выдающийся русский деятель Д.А. Милютин — ближайший сподвижник царя-реформатора Александра II. Он управлял ведомством 20 лет (1861–1881). Возглавлявшие в это время МВД руководители (П.А. Валуев, А.Е. Тимашев, Л.С. Маков), образно говоря, не шли ни в какое сравнение с могущественным другом царя.

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман, являвшийся близким соратником и фаворитом Милютина, которому тот передал соответствующую «копию» полномочий министра внутренних дел для вверенного ему края, относился к циркулярам ДДДИИ МВД с большой долей скепсиса и не руководствовался ими в своей политике по отношению к исламу. Он сам решил проблему регулирования хаджа мусульман Туркестана, учредив сначала «открытые листы» для них, а потом — заграничные паспорта.

Кауфман, имея широчайшие полномочия, шел иногда на откровенные нарушения существующего законодательства. Так, в 1868 г. он разорвал все официальные контакты с Оренбургским магометанским духовным собранием (Уфимским муфтиатом) и выслал из края мулл-татар, присланных из Уфы, хотя это было прямым нарушением ст. 1344 Устава духовных дел иностранных исповеданий [Литвинов 1998: 65].

Следует отметить, что значительную роль в подобном отношении туркестанской администрации к документам, исходящим из МВД, играло то обстоятельство, что последнее изначально открыто конфликтовало с военным министерством за право управлять Русским Туркестаном. Конфликт продолжался долго и едва не кончился побе-

дой всемогущего министра внутренних дел (и премьера) П.А. Столыпина. Однако он все-таки проиграл военным, которые добились того, чтобы царь Николай II отложил передачу Русского Туркестана в ведение МВД до выработки и утверждения нового правительственного положения о его управлении¹.

Понятно, что в вышеуказанной ситуации со временем в правовом регулировании хаджа мусульман в России должна была непременно обостриться та коллизия, о которой мы писали выше. Первым о ней заявил министр внутренних дел А.Е. Тимашев. Через 5 лет после образования Туркестанского генерал-губернаторства, 9 октября 1872 г. он писал военному министру Д.А. Милютину о том, что в то время, как МВД временно приостановило хадж в связи с эпидемией холеры в Хиджазе, туркестанская администрация во главе с Кауфманом продолжает выдавать «открытые листы» «хаджиям», прибывающим толпами в Одессу для посадки на паломнические пароходы. Тимашев требовал, чтобы впредь туркестанские власти придерживались соответствующих нормативно-правовых предписаний МВД о хадже².

Поскольку МВД, как отмечалось, само заявляло притязания на управление Туркестанским краем, то военное министерство вяло отреагировало на требования Тимашева, хотя и предложило туркестанскому генерал-губернатору Кауфману издать «ограничительный» циркуляр о хадже. Однако Кауфман не сделал этого. 11 января 1873 г. он писал в рапорте в Главный штаб о том, что властное ограничение хаджа вызовет недовольство мусульман Средней Азии³.

Отказ туркестанской администрации от согласованного сотрудничества с МВД в правовом регулировании хаджа

имел место и в дальнейшем. 7 октября 1876 г. Тимашев жаловался военному министру на Кауфмана, который разрешил выдачу заграничных паспортов мусульманам-паломникам, несмотря на соответствующий запретительный циркуляр МВД. Но Кауфман демонстративно издал циркуляр «О приостановлении впредь до особого распоряжения увольнения мусульман Туркестанского края на поклонения в Мекку» только в связи с обострением русско-турецких отношений, закончившихся войной 1877–1878 гг.⁴

При преемнике Кауфмана – генерал-губернаторе М.Г. Черняеве сотрудничество туркестанской администрации с МВД в деле правового регулирования хаджа тоже не было тесным, поскольку Черняев как военный человек питал присущую всем людям своего сословия неприязнь к «полицейскому» министерству. Он решительно выступил против такого регулирования, предлагая лучше вообще запретить паломничество, чем беспричинно ограничивать его, обижая тем самым «туземное» мусульманское население и восстанавливая его не только против русских властей, но и против русских людей вообще⁵.

На наш взгляд, история взаимоотношений МВД и военного министерства в плоскости решения мусульманского вопроса в рассматриваемый период заслуживает отдельного и специального изучения. Но здесь мы находим нужным отметить, что военное министерство в лице своего наместника в Русском Туркестане придерживалось, по замечанию П.П. Литвинова, «позитивного нейтралитета» в отношении мусульманской религии, что, по его мнению, напоминало «принципы свободы совести в буржуазных странах Запада, где государство не вмешивалось в дела религии и клира» [Литвинов 1998: 57].

Власти Туркестана не рассматривали мусульманское духовенство в качестве серьезной политической силы, но при этом во всем остальном они внимательно

¹ См.: Высочайше утвержденное Положение Совета Министров «О составлении нового Положения об управлении Туркестанским краем и об отсрочке передачи сего края в ведение Министерства внутренних дел». 30 июля 1907 г. 1910. – *ПСЗРИ-З*. Т. 27. Отд. 1. СПб., № 29439. С. 476–477.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. И-400. Оп. 1. Д. 321. По возбужденному МВД вопросу о принятии мер по Туркестанскому краю к ограничению паломничества в Мекку. Л. 3(об).

³ Там же. Л. 16.

⁴ Центральный госархив Республики Узбекистан (ЦГА Узб.). Ф. И-1. Оп. 20. Д. 8933. О приостановлении до особого распоряжения увольнения мусульман Туркестанского края в Мекку. Л. 4.

⁵ РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 812. О странствии мусульманских жителей русских окраин в Мекку. Л. 17.

отслеживали процессы, происходящие в мусульманской умме края. Политика же МВД, наоборот, исходила из принципов строгого контроля за жизнью мусульман через подведомственные только ему муфтиаты – государственные учреждения по управлению религиозной жизнью мусульман империи.

Таким образом, мы видим два совершенно разных подхода к исламской политике, существовавших в царское время. И одно это уже свидетельствует о том, что власть в царской России не была столь единообразной, унифицированной и подчиненной диктату «самодержца», как это часто некоторым кажется. Напротив, есть и иные примеры того, что царская власть допускала разнообразие и плюрализм мнений по многим важным проблемам государственной жизни, в т.ч. и в конфессиональной сфере.

Наиболее четко противостояние военных и полицейских, как уже отмечалось, прослеживалось в период, когда Туркестанским краем управлял К.П. Кауфман, наиболее яркой иллюстрацией чему является пример с татарскими муллами, приведенный нами выше. П.П. Литвинов, исследовавший это противостояние в отдельной монографии, приходит к выводу, что «МВД пыталось активно использовать конфессиональный фактор в противоборстве с военным министерством за право управления Русским Туркестаном. Однако оно не имело успеха, поскольку этому противодействовали объективные обстоятельства специфики многих условий региона, развивавшихся более успешно при “военно-административной” системе» [Литвинов 2007: 183].

С учетом вышеизложенного может показаться, что туркестанская администрация вообще отказалась от регулирования хаджа подведомственных ей мусульман. Но это не так. Она просто полагала, что, во-первых, жесткие нормативно-правовые предписания о хадже вызовут возмущение среднеазиатских мусульман, еще не свыкшихся с российскими порядками, во-вторых, эти предписания не будут иметь результата, поскольку при желании туркестанские мусульмане могут отправиться в хадж самостоятельно, как они издавна привыкли это делать.

Поэтому в случае возникновения эпидемической угрозы в зарубежных местах паломничества туркестанские власти издавали циркуляры рекомендательного характера, не советуя мусульманам зря рисковать жизнью, а для препятствия самовольному хаджу на границах выставлялись кордоны из казаков и так называемых джигитов – наемных местных мусульман, преимущественно кочевников, бывших хорошими наездниками. Такое правовое регулирование хаджа во многом смягчало отношение среднеазиатских мусульман к российским властям и приучало их к трезвому и разумному учету всех обстоятельств при намерении совершить паломничество (хадж) в Мекку, а равно, к слову сказать, и к шиитским святыням в зарубежной Азии.

Учитывая опыт, накопленный в таком регулировании паломничества мусульман, а также привыкание среднеазиатских мусульман к российским порядкам, туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов в 1901 г. утвердил Правила для паломников, разработанные краевой канцелярией. Этот нормативно-правовой акт всесторонне регулировал отношение властей и паломников к совершению хаджа и вызвал одобрение в среде мусульманского населения Русского Туркестана. Официозное издание генерал-губернаторства – газета «Туркестанские ведомости» – писала в конце 1902 г. о том, что уже в первые полтора года своего действия Правила паломников существенным образом «упорядочили паломнические движения в крае» [Туркестанские ведомости 1902].

Эти Правила вызвали недобрую зависть в кабинетах царского МВД, считавшего себя главным куратором хаджа российских мусульман. В 1901 г. по приказу министра внутренних дел Д.С. Сипягина специалисты из МВД взяли за разработку общеимперских правил о совершении хаджа. К осени 1901 г. они справились с этим поручением и подготовили проект так называемых Правил о паломничестве мусульман¹. Проект содержал 23 статьи и отличался жесткостью паломнических установлений. Так, например, ст. 2 проекта указывала, что «отправление в паломничество

¹ РГВИА. Ф. И-400. Оп.1. Д. 2904. По проекту «Правил о паломничестве» мусульман. Л. 2-4.

Хеджаз [Мекку и Медину] разрешается исключительно (курсив наш. — В.Л.) морским путем: через Севастополь, Феодосию и Батум»¹.

25 октября 1901 г. МВД направило этот проект в военное министерство для согласования. Главный штаб отослал его на для «заключения» туркестанскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту Н.А. Иванову. Последний высказался в адрес проекта МВД весьма критично, особенно в части обязательности паломничества «морским путем», т.к. многие мусульмане Туркестана, получив нужные «разрешительные» документы, совершали хадж пешком, т.е. испытанными издавна путями своих предков. Иванов обратил внимание авторов проекта Правил о паломничестве мусульман также и на то, что требования совершать паломничество морским путем особенно неприемлемо для мусульман-шиитов, которые могут добраться до своих святынь в Неджефе, Кербеле, Мешхеде и др. только сухопутным путем в силу их близости к Русскому Туркестану².

Военное министерство поддержало своего туркестанского наместника, и специалистам из МВД пришлось существенно дорабатывать свой проект, тем более что в его адрес поступил ряд критических замечаний также со стороны министерства иностранных дел. На эту работу ушло более года. За это время эсеровские террористы убили министра внутренних дел Сипягина. Поэтому только весной 1903 г. новый министр внутренних дел В.К. Плеве направил представление «По вопросу об утверждении Временных правил для паломников-мусульман» в Государственный совет Российской империи.

В своем представлении МВД учло трезвые и дельные замечания военного министерства и туркестанской администрации, т.к. оно не смогло противопоставить их критическим замечаниям ничего существенного. Соединенные департаменты законов, государственной экономики и гражданских и духовных дел Государственного совета достаточно быстро обсудили это представление МВД и вынесли

его на рассмотрение общего собрания членов Государственного совета. В итоге в законопроекте осталось всего 7 статей. Общее собрание членов Госсовета выразило в связи с таким положительное «мнение». 8 июня 1903 г. оно было утверждено императором Николаем II и, таким образом, стало законом.

Высочайше утвержденные Временные правила для паломников-мусульман не стали самостоятельным законодательным актом, а выступали как приложение к ст. 187 Устава о паспортах³. В отличие от раннего проекта МВД, утвержденные царем Временные правила не содержали обязательное требование для паломников отправляться в хадж каким-либо установленным властью путем, но в ст. 2 указывали, что «мусульмане-паломники обязаны возвращаться из паломничества только через назначенные для сего Министерством внутренних дел порты Черного и Каспийского морей и врачебно-наблюдательные пункты по сухопутной границе»⁴.

Упоминание во Временных правилах о сухопутной границе было явной уступкой законодателя паломникам из Туркестана, которые часто предпочитали уходить в хадж в Мекку испытанными пешими путями, о которых мы писали выше, и возвращаться из хаджа тем же образом. Естественно, что документ учитывал и паломничество мусульман-шиитов, которые при всем желании не могли добираться до своих святых мест морским путем, т.к. все они находились на значительном отдалении от морских портов.

Следует особо отметить, что большинство паломников-мусульман из Русского Туркестана со временем приучились к тому, что при возвращении из хаджа обязательно нужно получить соответствующие отметки во «врачебно-наблюдательных» (карантинных. — В.Л.) пунктах, которых было несколько на границе с Персией, Афганистаном и Китаем. Дело в том,

³ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета «Об утверждении Временных Правил для паломников-мусульман». 8 июня 1903 года. 1905. — *ПСЗРИ-3*. Т. 23. Отд. 1. СПб., № 23108. С. 689-690; Устав о паспортах. Приложение к статье 187-й. 1910. — *СЗРИ*. Т. XIV. М. С. 55.

⁴ Там же.

¹ Там же. Л. 2.

² Там же. Л. 14.

что туркестанская военная полиция внимательно следила за тем, чтобы возвращающиеся «хаджи» имели карантинные «штемпели», дабы не допустить проникновения в Русский Туркестан вирусов опасных эпидемических заболеваний. В случае отсутствия карантинных отметок мусульманин мог быть наказан по всей строгости законов, не исключая и уголовных.

Таким образом, на основании изложенного выше автор делает некоторые краткие выводы по существу рассматриваемой проблемы.

Совершенно очевидно, что царская власть в Русском Туркестане относилась к паломничеству мусульман региона спокойно, взвешенно и ответственно. Игнорирование властями Русского Туркестана соответствующих предпи-

саний МВД было оправданным – военная администрация края лучше знала паломническую специфику в Средней Азии и имела возможность объективно анализировать внешнеполитическую, а также эпидемиологическую ситуацию на Ближнем Востоке.

Издание в 1903 г. закона о регулировании хаджа мусульман России существенным образом опиралось и на туркестанский опыт. Поэтому нельзя считать справедливыми утверждения некоторых «специалистов» относительно того, что царская власть в Русском Туркестане сознательно, намеренно, умышленно запрещала на законодательном и ином уровнях исполнение местными мусульманами такого важного исламского фарда, как хадж – паломничество в Мекку.

Литература

Волков И.В. 2010. Деятельность военной администрации по управлению Русским Туркестаном. – *Власть*, № 5. С. 156-158.

Литвинов П.П. 1998. *Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам)* – Елец: ЕГПИ, 320 с.

Литвинов П.П. 2007. *Органы департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам)*. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 539 с.

Туркестанские ведомости. 1902. № 96, 1 дек.
